

И. Е. Репин. В. М. Гаршин

Глава из книги воспоминаний "Далекое близкое"

Оригинал здесь: [OCR: Михаил http://mi-xa-il.narod.ru/](http://mi-xa-il.narod.ru/)

Спервого же знакомства моего с В. А. Гаршиным, - кажется, в зале Павловой *, где его сопровождало несколько человек молодежи, курсисток и студентов, - я затлелся особенною нежностью к нему. Мне хотелось его и усадить поудобнее, чтобы он не зашибся и чтобы его как-нибудь не задели. Гаршин был симпатичен и красив, как милая, добрая девица-красавица.

* Концертно-театральный зал на Троицкой улице (ныне улица Антона Рубинштейна).

Почти с первого же взгляда на Гаршина мне захотелось писать с него портрет, но осуществилось это намерение позже. Я жил у Калинкина моста, а Гаршин - у родственников своей жены в Сухопутной таможне на Петергофском проспекте, в прекрасном казенном помещении.

На пароходике по Фонтанке Гаршин проезжал огромные пространства в какое-то учреждение на Песках, где чем-то служил, чтобы отвлекать себя от творческой работы, которая его - он этого боялся - истощала до того, что он не на шутку опасался психического расстройства *. Об этом он говорил как человек, поглотивший множество медицинских книг, разыскивая в них описание болезней, похожих на его собственную.

* С начала 1883 года Гаршин служил в канцелярии Общего съезда представи-телей русских железных дорог. По его собственным словам, эта служба приносила ему "большую пользу со стороны, так сказать, психогигиенической" (В. М. Гаршин. Письма. М.- Л., "Academia", 1934, стр. 291, 297 и 509; прим. 286).

Когда Гаршин входил ко мне, я чувствовал это всегда еще до его звонка. А входил он бесшумно и всегда вносил с собою тихий восторг, словно бесплотный ангел.

Гаршинские глаза, особенной красоты, полные серьезной стыдливости, часто заволакивались таинственной слезой. Иногда Гаршин вздыхал и спешил сейчас же отвлечь ваше внимание, рассказывая какой-нибудь ничтожный случай или припоминая чье нибудь смешное выражение. И это выходило у него так выразительно смешно, что, даже оставшись один на другой или на третий день и вспоминая его рассказ, я долго смеялся.

Во время сеансов, когда не требовалось особенно строгого сидения неподвижно, я часто просил Всеволода Михайловича читать вслух. Книги он всегда имел при себе; долгие пути на финляндских пароходиках приучили его употреблять время с пользой. Читал Гаршин массу, поглощая все, и с такой быстротою произносил слова, что я первое время, пока не привык, не мог уловить мелькавших, как обильные пушинки снега, страниц его тихого чтения. Но читал он охотно и кротко перечитывал непонятное место вновь.

- Всеволод Михайлович, - сказал я однажды фразу, которая тогда не сходила с языка каждого интеллигента и скрипела на бумаге у писавших о прелестных гаршинских рассказах, - Всеволод Михайлович, отчего вы не напишите большого романа, чтобы составить себе славу крупного писателя?

Я сейчас же почувствовал грубость своего вопроса и пожалел, что не-кому было дернуть меня за полу вовремя, но Гаршин не обиделся.

- Видите ли, Илья Ефимович, - сказал ангельски кротко Гаршин, - есть в библии "Книга пророка Аггея". Эта книга занимает всего вот такую страничку! И это есть книга! А есть многочисленные томы, написанные опытными писателями, которые не могут носить почетного названия "книги", и имена их быстро забываются, даже несмотря на их успех при появлении на свет. Мой идеал - Аггей... И если бы вы только видели, какой огромный ворох макулатуры я вычеркиваю из своих сочинений! Самая огромная работа у меня - удалить то, что не нужно. И я проделываю это над каждой своей вещью по несколько раз, пока наконец покажется она мне без ненужного балласта, мешающего художественному впечатлению...

Летом 1884 года я оставался для большой работы в городе *. После сеанса